

Отзыв игумена Дионисия (Шленова) на кандидатскую диссертацию иеродиакона Максима (Судакова) «Аскетическое учение Мартирия-Сахдоны в свете православной традиции»

Кандидатская работа иерод. Максима (Судакова) состоит из 4-х глав, две из которых являются вводными, а три излагают богословско-аскетическое учение автора: его мистическое учение и аскетику — страсти тела и страсти души. Во второй, достаточно пространной, вводной главе делается акцент на христологии автора, без уяснения которой трудно было бы определить его конфессиональную принадлежность. К работе добавлены четыре приложения, из которых три последних — переводы отдельных аскетических текстов исследуемого автора.

Основная задача диссертанта — подробно проанализировать аскетические взгляды Мартирия-Сахдоны, которые не были раскрыты и систематизированы в трудах западных ученых.

На защиту выносятся восемь положений.

В первой главе рассматривается источниковедение и историография вопроса. Автор последовательно рассматривает, рукописи, издания, исследования и делает основные итоги. Очевидно, что ведущий ориенталист Андре де Аллё признает Сахдону несторианином, что накладывает на православное исследование особые конфессиональные задачи по уточнению и корректировке данного вопроса — при действительной возможности провести такую идентификацию и при этом достаточно неоднозначной ситуации.

Вторая глава — согласно классической патристической схеме — посвящена описанию жизни и сочинений изучаемого автора. Жизнь автора излагается по ряду источников, изложение очень академично. Может быть, не хватает общего взгляда на историю отношений Византии и Персии того времени. Как известно победы императора Ираклия стали ключевыми в ослаблении Персии, которая в своем старом составе не смогла устоять перед лицом арабского мира. Для большей наглядности необходима карта с основными местами жизни Мартирия-Сахдоны.

Автор мог бы указать, что имя Мартирий достаточно новое — оно появилось в Византии в IV в., то есть его появление совпало с созданием самой Византии. Места из Сокровищницы греческого языка (с именем в именительном только падеже) подтверждают это. Приведем для наглядности первое и последнее из тех, что по хронологии не опережают жизнь Мартирия.

1. ATHANASIUS Theol. *Apologia contra Arianos sive Apologia secunda*{2035.005} (A.D. 4) Chapter 22 section 3 line 2

• (3) τε οὐδὲ ἐν τούτῳ δικαίως ἀν φανεῖεν λυπηθέντες, οἱ γὰρ παρ’ ὑμῶν τῶν περὶ Εὐσέβιον ἀποσταλέντες μετὰ γραμμάτων, λέγω δὴ Μακάριος ὁ πρεσβύτερος καὶ Μαρτύριος καὶ Ἡσύχιος οἱ διάκονοι, ἀπαντήσαντες ἐνταῦθα, ώς οὐκ ἡδὺ νῆθησαν πρὸς τοὺς ἐλθόντας

38. CYRILLUS Biogr. *Vita Euthymii* {2877.001} (A.D. 6) Page 66 line 10

• πρὸ ὥρας τρίτης ἐγομώθησαν οἱ δύο μεγάλοι λάκκοι καὶ εὐθὺς ἐπαύσατο ἡ βροχή. ὁ τοίνυν ἀρχιεπίσκοπος Μαρτύριος γνοὺς τὸ γενόμενον θαῦμα μετὰ πολλῆς δαψιλείας παραγέγονεν εἰς τὸν ἐγκαινισμὸν

Мартирий — имя архиепископа Антиохийского (на кафедре с 460 по 473 гг. — см. Le Quien XLV-XLVI. Col. 724-725)

Также было бы очень полезно проследить иерархическое служение Мартирия по справочнику Федальто.

Иерод. Максим указывает, что он был епископом Махозе д'Ареван. Согласно Hierarchia ecclesiastica orientalis (P. 955) Сахдона - последний епископ данной епархии, относившейся к митрополии (провинции) Beth Garmae, в которую на соборе в Селевкии-Ктесифонте 410 г. входило шесть епископий, а со временем их число расширилось.

Также не совсем понятно, зачем критиковать версию Фомы Маргского об обращении Сахдоны в православие во время посольства к императору Ираклию. Даже если Сахдона и не участвовал в этом посольстве, он мог оказаться под влиянием императора Ираклия и его богословов, которые сами оказались на востоке во время персидского похода.

«Обострение конфликта Сахдоны с Церковью Востока относится к середине 640-х годов» (с. 54). — Каковы исторические обстоятельства бытия Церкви Востока в то время?

Свидетельство Ишоднаха: «Говорится, что он отверг еретические мнения...», как и ряд аналогичных, следует уточнять — под ересью понималось православное учение.

В обзоре сочинений самое большое внимание уделяется главному сохранившемуся произведению — «Книге совершенства». Автор искусно пересказывает ее содержание. К сожалению, очень мало можно сказать о хронологии составления данного памятника. Между тем, хронология могла бы пролить свет на то, к какой точке зрения склонялся ревнитель православного учения внутри Церкви Востока.

После анализа христологии Мартирия-Сахдоны автор делает следующий вывод: «Однако образ его мышления как богословски образованного представителя Церкви Востока и как сирийца, который мыслит категориями сирийского языка и не чувствует всех тоностей грекоязычного богословия, не позволял ему корректно изложить христологическое учение, которое поэтому нельзя считать во всем согласующимся с халкидонским оросом». (с. 93). Если, отказываясь от крайности несторианской христологии, Сахдона как бы переходит в противоположную — монофелитскую христологию, а потом, так или иначе, возвращается назад и пребывает в состоянии колебания, то колебание между двумя крайностями позволяет ли говорить о выборе, в конце концов, царского пути православия?

«Подлинной же заслугой Мартирия-Сахдоны является исповедание во Христе одной ипостаси и отождествление ипостаси и лица. За это исповедание он не побоялся лишиться архиерейской кафедры, быть отлученным от Церкви Востока, удалиться из своего отечества и окончить свои дни на чужбине» (с. 94). Из биографии Сахдоны («он отверг свои еретические мнения...» см.

выше) складывалось впечатление, что он закончил свою в несторианстве. Здесь делается обратное утверждение. Возникает некоторая двусмысленность, которая нуждается в уточнении.

В 3-й главе о сотериологии определяются пути совершенства и спасения: покаяние — молитва и созерцание. Особое внимание Мартирий уделял добродетели чтения — продолжая в этом святоотеческий подход, а созерцание отождествлял с богоопознанием. В целом автор предлагает важнейшие темы мистического богословия. Методически некоторые темы третьей главы могли бы быть помещены в конце исследования — после аскетики. Но автор хочет поставить именно аскетику в центр своего изыскания.

С. 115. «Человек с чистым сердцем, исполненным любви, способен видеть в нем Бога — такова основная мысль Мартирия касательно созерцания». — Очень интересная и важная мысль, продолжающая тему познания себя и внимания себе как созерцания себя.

В 4-й и 5-й главах раскрывается традиционное аскетическое учение автора.

С. 118. «Высказывания Сахдоны о необходимости всецелого воздержания по телу и по душе А. де Алле считает основополагающими». — Как известно, добродетель воздержания была авторитетна как в античности, так и у христианских авторов. До какой степени Сахдона следует античной и греческой аскетической традиции в учении о воздержании?

Является ли термин *nzīrūtā*, используемый Мартирием для обозначения воздержания, единственным или существуют и другие сирийские термины? (с. 119)

В главах о телесных и душевных страстях иерод. Максим следует классификации Евагрия. Следовало бы точнее сказать, какой классификации страстей придерживается сам Мартирий. Глава 4 «Страсти плоти» сразу начинается с описания страсти чревоугодия, потом — блуда и любостяжания. А у Евагрия любостяжанию соответствует сребролюбие. Кто еще из отцов называл третью страсть любостяжанием? Имеются ли у самого Мартирия упоминания сребролюбия?

Вот традиционный перечень страстей.

1. Чревоугодие
2. Блуд
3. Сребролюбие
4. Гнев
5. Печаль
6. Уныние
7. Тщеславие
8. Гордость

В главе 5-й «Страсти души» рассматривается гнев и сразу же обратная добродетель любви. Однако любовь — вершина всех добродетелей. Насколько это особенное отношение к любви отражено у Сахдоны?

Со ссылкой на В. С. Соловьева автор желает очень интересное замечание: «В сирийском языке слова справедливость (тождественно праведности) *zaddiqūtā* что, как отмечает В. С. Соловьев, свидетельствует о том, что милосердие и любовь предполагают справедливость, а справедливость — милосердие и любовь, поскольку это только «различные способы проявления одного и того же» (с. 144). Отождествление справедливости и любви совсем не случайно и могло бы пролить свет на отношение Мартирия к добродетели любви. Справедливость — одна из четырех античных главных добродетелей. Она самая совершенная среди них по определению Платона и Аристотеля. Такой же подход сохранился и в христианскую эпоху. А в Катенах перетолковывали: справедливость — это и есть любовь. Согласно одной из эгзегез знаменитого стиха ап. Павла о трех добродетелях, именно любовь останется, а вера и надежда перестанут существовать в будущем веке. Далее иерод. Максим пишет о трех добродетелях и особо характеризует добродетель любви. Данную тему лучше раскрыть отдельно не только в связи с сирийской, но и с греческой традицией.

Далее рассматриваются другие страсти по общей классификации страстей.

В целом следует отметить, что работа состоялась.

Рекомендуется:

1. Выделить отдельно учение о добродетелях.
2. Постараться установить большие взаимосвязи с христианской греческой аскетической традицией.
3. Отдельно написать об источниках.
4. О трех добродетелях: вере, надежде и любви — написать особо, выделив отдельную главу или параграф.

С. 111 Златоуста, называя — опечатка.

После сделанной доработки работа может быть представлена к защите.

Научный руководитель
Профессор, кандидат
богословия

и. Дионисий игумен Дионисий (Шленов)

22.12.2020 г.

Религиозная организация – духовная
образовательная организация высшего образования
“Московская духовная академия
Русской Православной Церкви”

22.12.2020.

Зенина Л.П.